

Как снимают диких животных? Об этом спрашивают маленькие и взрослые, этим вопросом интересуются люди разных профессий. Он непременно возникает, когда зритель наблюдает на экране жизнь животных, их повадки и занятия, которые протекают столь естественно, будто не следит за всем этим глаз кинокамеры.

Особое место в лентах о жизни животных занимают фильмы художественные, в которых четвероногие герои показывают

ку, молчаливо беседуют с умным псом.

Какую гамму прекрасных качеств продемонстрировал Белый Бим Черное ухо в одноименном художественном фильме! Мы воочию убедились, что животному свойственны чуткость, необыкновенная смелость, даже юмор. Оно способно глубоко переживать настоящую трагедию, когда его разлучают с хозяином и другом.

Огромный интерес для меня всегда

одна задача — подкараулить наиболее интересный эпизод и вовремя зафиксировать его на пленку. Именно так нам удалось заснять многие эпизоды для фильмов на Новой Земле, в Австралии, Новой Зеландии.

Можно вспомнить немало лент, снятых так, словно животное и не подозревает о следящей за ним камере. Такая скрытая съемка просто необходима при создании фильмов о живой природе. Когда

любят возиться в воде), зайцы становятся настоящими барабанщиками. Можно с успехом использовать и другие особенности зверей.

Когда я снимал картину «Белый Клык» по произведению Джека Лондона, в которой главным героем была собака-волк, убедился, как много потребовалось от исполнителей роли Белого Клыка, притом не только на первых порах его жизни, но и позже, когда он подросток. Однако ни в том, ни в другом случае я не пользовался дрессированными животными в том смысле, как мы привыкли это понимать.

Роль юного Белого Клыка исполнял молодой волк, а взрослого героя — замечательный пес, по всей вероятности, наполовину волк, наполовину собака. «Взрослый исполнитель» был сначала очень злым и только со временем, живя с нами, «оттаял» и подружился со всеми. До сих пор благодарны мы школе собаководства под Москвой, где нашли и передали нам для съемок этого замечательного «артиста».

Только что с режиссером Наной Клдишвили мы закончили работу над художественным фильмом «Крепыш», в котором рассказывается история знаменитого орловского рыска. И здесь не пользовались дрессированными лошадьми, а сняли настоящего рыска, который и сейчас успешно выступает на бегах.

Снимая картины, посвященные жизни животных, кинематографисты преследуют не только просветительские, но, конечно, и воспитательные цели. Мы знаем, как сейчас серьезно обстоит дело с охраной природы — это одна из животрепещущих проблем современности. В нашей стране природа охраняется законом. Но никакие самые хорошие законы не смогут помочь делу, если сознательное отношение к окружающей природе, к населяющим ее живым существам не будет присуще каждому из нас. Утрата хотя бы одного вида животных — потеря невозполнимая. Кто знает, сколько потеряло человечество, когда погибла последняя морская корова? Или огромные степные быки — туры?

Вопросы охраны природы глубоко волнуют миллионы людей. В этом я убедился, когда в течение нескольких лет вел телевизионную передачу «В мире животных». После каждой передачи к нам приходило огромное количество писем — иногда до трех и более тысяч. И такая заинтересованность вполне оправдана. Наша задача состоит в том, чтобы интересы человека и природы сочлелись, чтобы наши отношения были не поединком, а союзом, от которого обе стороны оказались бы в выигрыше.

● Вечерние беседы: встречи с прекрасным

БРАТЯ НАШИ МЕНЬШИЕ

«Встреча в кинофильмах с нашими братьями меньшими для меня всегда большая радость. А как снимают животных? Как удастся подсмотреть и зафиксировать на пленке интересные моменты их жизни?

Аня Понизовкина, школьница.

На это письмо отвечает народный артист СССР, режиссер фильмов «Белый Клык», «Рикки-Тикки-Тави», «Тропою джунглей», «Во льдах океана» и других

Александр Михайлович ЗГУРИДИ.

не только повадки животного, но создают и характер, иной раз не менее выразительный, чем человеческий. Вспомним из картины «Ко мне, Мухтар!» умного, работающего, сознательного пса, помогающего людям бороться со злом. Или маленького мангуста Рикки-Тикки-Тави, соединившего в себе доброту и бесстрашие, неутомимость в борьбе с врагом и беспредельную преданность другу. Животному, «играющему роль», часто помогает слово, звучащее за кадром. Оно придает особую осмысленность действию персонажа. Конечно, животное само бы промолвило именно эти слова, если бы обладало еще и такой способностью...

Многолетний опыт убедил меня в том, что животное не только интересный объект для съемок — оно прекрасно само по себе. Такие разные по своему внешнему виду, повадкам, образу жизни, они открывают целый мир, особенный мир живой природы. Его-то мы, кинематографисты, и стараемся донести до миллионов зрителей.

Думаю, что человек, лишающий себя хоть какого-то общения с «братом нашим меньшим», обедняет собственную жизнь. Ведь это истинная радость — кормить с ладони сторожкую, но доверчивую белоч-

представляла съемка диких животных. Больше всего она напоминает охоту, только не с ружьем, а с кинокамерой. Однако охотнику несравненно легче, ему надо лишь заметить добычу, чтобы добиться цели. Задачи же охотников с киноружьем совсем иные, и осуществить их гораздо сложнее. Нас интересует не просто внешний вид птицы или зверя, а главным образом поведение животных.

Здесь нужно терпение, большое терпение и знание различных повадок зверя, его поведения в разных обстоятельствах. Есть, конечно, «райские уголки» — заповедники, обитатели которых не боятся людей. Ну, например, национальные парки Африки. Я был удивлен той легкостью, с которой мы производили в них съемки. Там все наоборот: не звери боятся людей, а люди зверей, которых можно снимать только с автомобиля. И это неудивительно: обитатели заповедника из поколения в поколение росли здесь, не слыша ни единого выстрела.

Точно так же нетрудно снимать животных в местах их массового обитания, например, птиц в колониях или даже в отдельных гнездах. В силу материнского инстинкта они привязаны к гнездам и тем более к птенцам, которых стараются одних не оставлять. В этих случаях остается

же кинематографисты сталкиваются с постановкой картины, где животные исполняют роли, где они должны делать то, чего им не приходится делать в природе, — ну, допустим, сидеть за столом, есть с тарелки, ходить на задних лапах, — то иногда используют и дрессированных животных.

Что касается меня, то я предпочитаю не столько дрессированных, сколько прирученных животных, которые, как это ни покажется странным, ведут себя до такой степени естественно, словно находятся в природных условиях.

А, как известно, между дрессированными и прирученными животными огромная разница. Все, чего достигают первые, дается упорным трудом. Вторые, лишь пребывая вместе с человеком, многому учатся. Прирученные, на мой взгляд, живее, естественнее, а потому милее. К тому же они не просят за каждый выполненный трюк никакого поощрения — сахара, мяса, поэтому гораздо естественнее выглядят на экране.

Я считаю правильным, когда многие дрессировщики стараются использовать те свойства, которые присущи животным в природе. Например, в Театре зверей имени Дурова можно видеть, как еноты «стирают» белье (они вообще полоскуны,